

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-8-27>
<https://elibrary.ru/IVLPUS>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Так не бывает». Глава из раннего варианта повести К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)»

© 2025, И.Н. Коржова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01479 «Проблемы текстологии К.Г. Паустовского: “Повесть о жизни”» (<https://rscf.ru/project/24-28-01479/>)

Аннотация: В научный оборот вводится глава «Так не бывает» из раннего варианта повести К.Г. Паустовского «На медленном огне. (Книга скитаний)». Текст публикуется по единственному машинописному источнику, который хранится в фонде писателя в РГАЛИ (Ф. 2119), там же находится и рукопись главы, данная под другим названием — «Северное свидание». Глава сюжетно связана с другой, вошедшей в основной текст, — «Проводы учебного корабля». Публикуемая глава посвящена новой любви героя, которая настигает его в Петрограде. Внезапность и исключительность чувства подчеркнуты в названии главы. Во вступительной статье рассматривается более широкий вопрос — раскрытие в шестой части автобиографического цикла Паустовского любовной темы. Установлено, что помимо нового сюжета, исключенного на раннем этапе работы, до момента подготовки к публикации в журнале «Новый мир» сохранились фрагменты, связанные с прошлыми увлечениями героя. Исключение этих эпизодов является волей К.Г. Паустовского. В статье рассматривается вопрос о прототипах героини цикла, выдвигается предположение о собирательном характере образа героини, появившейся в публикуемой главе, подчеркивается литературный генезис образа.

Ключевые слова: К. Паустовский, «Повесть о жизни», текстология, творческая история, вариант произведения, художественная автобиография.

Информация об авторе: Инесса Николаевна Коржова — доктор филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

E-mail: clean24@yandex.ru

Для цитирования: Коржова И.Н. «Так не бывает». Глава из раннего варианта повести К.Г. Паустовского. «На медленном огне. (Книга скитаний)» // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 8–27. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-8-27>

Исследователи не раз пытались определить специфику автобиографизма в цикле К.Г. Паустовского «Повесть о жизни». Л.П. Кременцов высказывал мнение, что отдельные части книги обладают разной степенью обобщения: «Право первых трех частей <...> называться “Повестью о жизни” не вызывает сомнений. За фигурой мальчика, а затем юноши Паустовского встает вся та сфера русской жизни, в которой он вырос. Обобщающее, типизирующее начало в этих произведениях очевидно. Иное впечатление производят три следующие книги <...>. Им больше подошло бы название не “Повесть о жизни”, а “Повесть о жизни Паустовского”» [3, с. 171]. Подобный взгляд оспаривает И.В. Кондаков: «Речь в романе идет не только и не столько о жизни “писателя Паустовского”, но, скорее, о жизни его “лирического героя”, в образе которого обобщены черты русского интеллигента, прошедшего через революцию и Гражданскую войну (некто вроде Юрия Андреевича Живаго из романа Б.Л. Пастернака)» [2, с. 283]. В то же время исследователи отмечают мемуарно-автобиографическую природу книги, где в шестой части усиливается «мемуарный» компонент: «мысль, спеша, но зорко и памятно, обращается к разновременным событиям, к людям, о которых надо непременно успеть рассказать, к тем мыслям о творчестве, о литературе, которые представляются ему главными и поэтому требуют многократного повторения и развития» [1, с. 6]. Паустовский рисует портреты писателей-современников, воссоздает атмосферу 1920-х – начала 1930-х гг.

Однако есть в этом все усиливающемся стремлении запечатлеть время, рассказать о реальных судьбах существенное и очевидное исключение — отказ от изображения собственной частной судьбы. Герой Паустовского остается безымянным скитальцем, лишенным взаимной любви и прочной семьи. По мнению В.К. Паустовского, сына писателя, со страниц романа не может исчезнуть только один герой: «сменяются и исчезают все, кроме главного действующего лица. Писатель не делает исключения даже для своих жен, на протяжении многих лет игравших немалую роль в его жизни» [7, с. 10].

В опубликованном варианте «Книги скитаний» любовная проблематика по существу отсутствует. Лишь в главе «Стужа» возникает тема

одинокости и звучит характерное для цикла в целом самообвинение героя в неумении жить, неумении воплотить свою восторженность перед жизнью в действенную любовь к людям: «Человек не может быть один. Если он один, то только по собственной вине. Только поэтому» [9, с. 434].

Работа с серией машинописей, хранящихся в личном фонде К.Г. Паустовского в РГАЛИ (Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130–132), и с машинописью, переданной писателем в редакцию журнала «Новый мир» (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. Ед. хр. 860, 870), показывает, что Паустовский отказывался от любовного сюжета в последней части цикла постепенно. Первоначально в шестой части не только не обрывались воспоминания о пережитых личных драмах, но и вводился новый сюжет, представленный в рукописи и самой ранней из хранящихся в РГАЛИ машинописей.

Напомним, что в предшествующих книгах «Повести о жизни» шла речь о двух женщинах, оставивших след в жизни героя. В книге «Беспокойная юность» это Леля, с которой герой знакомится в военном поезде; она покончила с собой, заболев оспой. В книге «Бросок на юг» герой испытывает новое чувство — к художнице-авангардистке, сестре крупного польского художника Марии Валишевской (с ней герой знакомится у Зданевичей). Но и эту женщину герой теряет из-за робости и неуверенности. В этих отношениях все яснее проступает мотив романтической недостижимости счастья.

Первоначально в шестой части тема утраченной любви не обрывалась. Глава «Последнее прощание», которой сейчас открывается эта книга¹, сюжетно была прямо связана с завершением пятой части. Глава начиналась с рассказа о внезапной для самого героя попытке самоубийства: добираясь к матери и сестре в Киев, герой в пути все острее тоскует по Марии и на одной из станций внезапно медлит, не сходя с рельсов перед идущим поездом. Этот фрагмент полностью сохранился в одном из ранних машинописных вариантов (ед. хр. 132), завершающие его абзацы — в самой поздней машинописи (ед. хр. 131)².

То она, эта же любовь, грубо отбирает у тебя все до последней шерстинки, снятой с платья любимой. Эта потеря такая мучительная,

¹ В машинописи ей предшествует глава «Приближение зари», имеющая характер предисловия и исключенная, вероятно, по цензурным соображениям.

² Указанный документ характеризуется неполнотой: из него изъяты те фрагменты и главы, которые отсутствуют в «новомирской» машинописи. Авторская пагинация и наличие последних строк изъятых глав или, наоборот, отсутствие начала следующих подтверждают, что текст готовился к журнальной публикации полностью и купирование производилось уже по белой машинописи.

что лишает смысла дальнейшее существование и ты начинаешь думать о смерти, как о единственном конце этой неразберихи.

Я поднял голову. Навстречу мне по тому же пути мчался, гневно расшвыривая клубы пара, высокий зеленый паровоз.

Я остановился. Он уже свистел мне пронзительно, как бы ужасаясь того, что сейчас случится. У него, должно быть, уже скрежетали, дымясь, тормоза.

В последнюю секунду я бросился в сторону и упал от крепкого воздушного удара. На мгновение я увидел перекошенное лицо машиниста и его черный маслянистый кулак. Он мне грозил им³.

В машинописях из фонда Паустовского (ед. хр. 131, 132) и фонда «Нового мира» (ед. хр. 860) в той же главе сохранялось еще одно упоминание о Марии: «Я прожил в Киеве всего четыре дня. Я хотел рассказать маме о Марии, но понял, что это вызовет только лишние тревоги и огорчения, и ничего не рассказал»⁴. В «новомирской» машинописи фраза вычеркнута синим — этим цветом вносил правку сам автор.

Воспоминания о Марии настигали героя в трагический момент, описанный в главе «Стужа» (раннее название «Январская стужа»). Фрагмент присутствует во всех трех машинописях из фонда Паустовского. Рассказ о похоронах В.И. Ленина соединяется с описанием невиданной стужи, из-за которой создается ощущение застывания жизни. Болезнь героя, у которого начинается, очевидно, воспаление легких, делает эти дни еще более тяжелыми. Вступающие в резонанс друг с другом переживания создают ощущение неправильного хода времени. Поэтическая цитата из Е.А. Боратынского «Век шествует путем своим железным...», воспоминание о беспризорнике Шурке Балашове, умершем под той же медвежьей шкурой, под которой мечется в жару герой, ощущение упущенной любви, растрченного тепла соединяются в одном фрагменте. После процитированной ранее фразы, единственной сохраненной при публикации: «Человек не может быть один...» — следовал большой фрагмент:

Как же так случилось? Леля умерла, — тут ничего не поделаешь. А потом я как-то скользь проходил мимо хороших людей и любящих женщин, потерял Марию.

В глазах у любящих я часто замечал тревогу. Как будто они незаметно следили за мной, боясь довериться мне до конца.

³ РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 7.

Я любил людей бурно и непрочно. Мне страстно хотелось всем другого, — ясности, силы, глубины любви, берущей все мое существо, — любви преданной, жертвенной, нежной до боли.

Но незаметно от каких-то мелочей (теперь я знаю, что они только казались мне мелочами), от каких-то перемен голоса, слов, сказанных мимоходом, от моей застенчивости, похожей на бесчувствие, от углубленности в свои мысли совсем не вовремя, когда чьи-то руки тянулись ко мне, а я их не замечал — от всего этого иссякала любовь. И вскоре она умирала и уходила от меня надломленная и оскорбленная⁵.

В машинописи, переданной в «Новый мир», после абзаца «Человек не может быть один...» заклеена половина страницы текста, на чистом листе стоит знак элиминации («Z»), поставленный синими чернилами, которыми осуществлял правку сам Паустовский, под вклейкой помещен процитированный выше текст, также перечеркнутый синим.

Следующее упоминания возлюбленной — в той же главе, в сцене пробуждения. Герой просыпается в пустом доме: «Мария! — неожиданно позвал я и прислушался»⁶. Текст есть во всех редакциях, в «новомирской» машинописи фраза вычеркнута синим.

В последний раз фрагмент, посвященный Марии, встречается в главе «Проводы учебного корабля». Герою, впервые увидевшему Ленинград, не с кем разделить свою очарованность. Он сетует: «Почему здесь со мною нет Марии? Когда она радовалась или волновалась, голос у нее становился гортанным и певучим. Таким он был бы здесь»⁷. В машинописи «Нового мира» фраза вычеркнута красным после подчеркивания карандашом⁸. На полях также карандашом написано: «Во всех других случаях Мария вычеркнута»⁹. Простым карандашом с машинописью работал редактор, чаще всего ограничиваясь простыми отчеркиваниями на полях, но здесь редактор отметил непоследовательность автора, изъявшего другие упоминания Марии.

Таким образом, линия Марии прослеживается во всех машинописях, первоначально сохранялась она и в варианте, предложенном «Новому миру», но была изъята по воле автора.

Причины, побудившие писателя отказаться от любовной линии в последней книге автобиографического цикла, неизвестны. Возможно, Паустовский счел эстетически неоправданным соединение

⁵ Там же. Л. 40.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 41.

⁷ Там же. Л. 56.

⁸ Красным внесена правка редактора.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10ф. Ед. хр. 860. Л. 72.

политической и любовной тем, особенно в главе «Стужа». Тема личных невзгод могла казаться несоразмерной с трагической судьбой страны. Отметим также, что исключенные фрагменты не развивали любовную линию, напротив, они породили бы впечатление самоповтора, поскольку в той же тональности ранее (до знакомства героя с Марией) были даны воспоминания о Леле.

Важным представляется факт, что с темой утраты любви соединились покаянные мотивы — мучительное осознание, что жизнь прожита неправильно. Эти мысли — одни из самых сокровенных у Паустовского. Горькая исповедь героя, сходная с размышлениями, исключенными из главы «Стужа», звучала во фрагменте «Последняя глава», который должен был завершить собой книгу «Далекие годы», но тоже был изъят, вероятно, самим писателем, и опубликован только после его смерти.

Я не умел жить, любить, даже работать. Я растратил свой талант на бесплодных выдумках, пытался втиснуть их в жизнь, но из этого ничего не получилось, кроме мучений и обмана. Этим я оттолкнул от себя прекрасных людей, которые могли бы дать мне много счастья.

Сознание вины перед другими легло на меня всей своей страшной тяжестью¹⁰.

В изъятии сходных фрагментов при одновременном возвращении к мысли об отсутствии контакта с жизнью, легкости ухода в свой мир видится нечто глубоко симптоматичное и важное для эстетики и этики писателя.

В первоначальный замысел шестой книги входило и развитие личной линии героя — появление в его жизни нового чувства, еще более сложного, чем предыдущие, изначально не предполагавшего счастливого исхода. Сюжет этот сохранился в рукописи (Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 127) и самой ранней из хранящихся в РГАЛИ машинописей (Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130)¹¹.

Перед нами рассказ о первой поездке героя в Петроград в 1923 г., связанной с посещением корабля «Товарищ», чему в опубликованном варианте повести посвящена глава «Проводы учебного корабля» (действие отнесено к 1924 г.). Но эта глава отсутствует в машинописи.

В рукописи приведен частичный план книги (9 глав), в котором значатся обе главы: сначала «Проводы учебного корабля», потом

¹⁰ Незавершенные рукописи К.Г. Паустовского // Литературная Россия. 1968. 20 сентября. С. 15.

¹¹ Машинопись представляет собой несколько разрозненных глав повести, набранных, судя по особенностям печати и характеру авторской пагинации, «блоками», по несколько глав. Поэтому машинопись не позволяет судить о композиции книги на этом этапе работы.

«Так не бывает»¹², однако в этой же тетради сама часть о поездке в Петроград объединяет материал к обеим будущим главам и носит название «Северное свидание»¹³.

В машинописи главы «“Так не бывает”» отсутствует начало, а название вписано сверху от руки. В центре фрагмента третья любовь героя, внезапное чувство к женщине, носящей знаковое для него имя Мария. Хотя повествователь в этой главе не осмысляет совпадения имени своей второй и третьей возлюбленной, но говорит об имени Мария как о символе женственности в веках. Среди исключенных фраз — характерное прославление, напоминающее обращение к Богородице: «Да будет благословенно имя твое, Мария, и улыбка твоя, рождающая светлую печаль и слезы смущения и любви!»¹⁴. В ранней машинописи есть еще один след изъятых любовного сюжета. В главе «История с географией» в перечисление событий последнего года включены «океанский барк “Товарищ”, полевые цветы и флаги на его палубе, белая ночь, призрачная и мучительная встреча со Второй Марией»¹⁵.

Существующий в машинописи текст содержит следы значительной правки, многие напечатанные фрагменты зачеркнуты. Очевидно «отодвигание» финального объяснения в конец главы. В зачеркнутых машинописных фрагментах Мария уже признается, что связана с Левой, другом Костика, но текст исключается, и «прозрение» героя происходит чуть позже. Очевидно, что перед нами не просто стилистическая правка, а работа над композицией, выдвижение и сокрытие литературных кодов, доработка психологии персонажей. В частности, в убранных строках Паустовский вкладывал в уста своей героини сравнение с пушкинской Татьяной: «Да, я не одна. Вы любите, конечно, пушкинскую Татьяну. Так я и есть та самая Татьяна, которая другому отдана». Фраза порождает вопрос о влиянии на этот эпизод петербургского текста. Тем более что в главе «Проводы учебного корабля» литературоцентричность восприятия города артикулирована прямо (фраза появилась уже в рукописи):

В глубине души я верил, что Евгений Онегин, Настасья Филипповна, Незнакомка и Анна Каренина жили здесь на самом деле и этим обогатили мое познание Петербурга. Нельзя себе представить Петербург без этого сонма сложных и привлекательных лиц.

¹² РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 33.

¹⁵ Там же. Л. 44.

Я был уверен, что в Петербурге жизнь реальная и жизнь, рожденная воображением, сливаются неразрывно [9, с. 444].

Наибольшую сложность представляет вопрос о возможных прототипах. О прототипах двух героинь «Повести о жизни», Лели и Марии, писал В.К. Паустовский. Рассказав о знакомстве отца с Екатериной Загорской¹⁶, сестрой милосердия, и ее сестрой Еленой, Лелей, В.К. Паустовский тем не менее заключает: «Однако героиня “Повести о жизни” — неожиданно умирающая на фронте от оспы сестра милосердия Леля, — несмотря на некоторые черты Екатерины Загорской, имеет другой прототип. Точнее, это образ собирательный» [6, с. 13]. В другой работе, комментируя ранний роман отца «Романтики», также построенный на автобиографическом материале, В.К. Паустовский указал на еще одно лицо: «Среди сестер — Екатерина Загорская (Хатидже). Но в данном случае нас уже интересует и прототип Наташи. Это Елена Крашенинникова, или попросту Леля. Ее имя затем использовано в “Повести о жизни”, где героиня, заболев, умирает на фронте, как и Наташа в “Романтиках”» [7, с. 238].

Героиня «Повести о жизни» Мария Валишевская ассоциируется с Валерией Владимировной Валишевской-Навашиной¹⁷.

Информация о Марии в главе «Так не бывает» довольно скудна и недостаточна для того, чтобы можно было обосновано говорить о прототипах героини. Так, мы узнаем, что мужем Марии является Лева — одноклассник героя, бывший его неизменным соседом по парте. В зрелые годы Лева пробует себя в качестве художника и обучается живописи. Эти факты указывают на Эммануила Исааковича Шмуклера (1892–1957), который действительно жил в Ленинграде, занимался живописью и умер за несколько лет до написания «Книги скитаний» (1963). Необходимо отметить, что в первой части цикла, «Далеким годам», действует персонаж, сохраняющий имя прототипа — Эмма Шмуклер. Он является товарищем героя по гимназии. И если допустить, что у Левы был прототип, необходимо признать: реальный Э.И. Шмуклер «раздваивается» в повести, порождая двух персонажей и вместе с тем вызывая вопрос, с кем же сидел за одной партой главный герой.

¹⁶ Екатерина Степановна Загорская (1889–1968) — первая жена К.Г. Паустовского. Мать В.К. Паустовского.

¹⁷ В.В. Валишевская-Навашина (1896–1975) — вторая жена К.Г. Паустовского. Художница, сестра живописца Сигизмунда Валишевского. В первом браке замужем за Кириллом Зданевичем.

Возможно, вторая Мария, как и Леля, является образом собирательным. Психологическую основу создания подобного образа помогают понять размышления В.К. Паустовского: «Уже после смерти отца мне довелось познакомиться с письмами к женщине, относящимися к периоду работы над новой книгой. Местами я узнавал тот же стиль, те же выражения, что и в письмах к невесте. Именно тогда мне и пришло в голову, что, по существу, он был однолюбом, что все браки и увлечения только дополняли и развивали друг друга, что состояние влюбленности было необходимым условием успешной творческой работы. Он им очень дорожил и, может быть, даже провоцировал его» [5, с. 461]. Эти слова, как и мысль В.К. Паустовского о том, что переживаемое в личной сфере годами, концентрировалось в произведениях его отца в одном художественном эпизоде, позволяют говорить о возможности соединения в комментируемой главе разновременных событий. Как было отмечено, именно в отношении приватной жизни героя Паустовский допускал наиболее значительные отступления от собственной биографии.

В публикуемом тексте исправлены опечатки и внесена пунктуационная правка. Приведен окончательный вариант текста.

«Так не бывает»

<...> Заключается оно в том, что существует довольно много неясных человеческих состояний. Развиваются они последовательно и закономерно, но все же мы не можем назвать их законами.

К таким состояниям относится, между прочим, предчувствие чего-то необычайного. Предчувствие того, что мы в просторечии называем чудом. Оно знакомо всем. Оно возникает независимо от полноты или скудости нашей жизни. Оно овладевает одинаково шофером и великим ученым, девочкой, скачущей через веревочку, и нищим, умирающим на больничной койке.

Уверенность, что произойдет необычайное, возникает сразу. Проследить, как она родилась, трудно. Но все же, по-моему, можно. Уверенность в необычайном <?> рождается как внутренний душевный резонанс. Вот и сейчас, когда я пишу эти слова, у меня в комнате тихонько запела вода в стакане, где стоят ветки крымского остролистника с колючими листьями и ягодами цвета крови.

Откуда появился этот неслышимый звон?

За окном, как разглаженная свинцовая бумага, лежит утреннее море. Может быть, о дальний мыс (он тоже виден из окна) ударила

первая после ночного штиля волна, и звук ее, недоступный моему слуху, слышала и по-своему повторила, резонируя, вода в стакане.

Так бывает и с нами. Так неведомо откуда, из каких глубин сознания приходит предчувствие <?> необычайного <?>, предчувствие <?> чуда <?>.

Есть еще тайны на земле, и эта тайна — одна из самых волнующих наше наивное сердце.

Такое предчувствие появилось у меня в Петрограде в первый же вечер, когда я сошел с «Товарища»¹ на пустынную набережную Васильевского острова.

Я попробую сейчас разобраться в своем сознании, чтобы узнать, почему это предчувствие овладело именно мной и именно в этот вечер.

Прежде всего, вся обстановка была для меня в тот день совершенно новой и необычной.

Сознание необычайности, как это ни покажется странным, носило некий географический характер. Я впервые попал в бледные широты. Существование на севере величавого и <нрзб.> вместе с тем живописного города, как бы наполовину растворенного в испарениях унылых болот и озер, больше всего удивило меня.

Это мое удивление и подготовило приход того ожидания чуда (может быть, короткого и горького, но все-таки чуда), которое я тогда испытал.

Так вот, — в киевской гимназии я все восемь лет просидел на одной парте с тоненьким и насмешливым гимназистом. Имени его я не называю. Он умер несколько лет назад, не добившись ничего, к чему стремился. С большим опозданием <?> я узнал, что <нрзб.>

В 1923 году², когда я впервые приехал в Петроград, этот мой товарищ — буду называть его Левой — давно уже обосновался здесь и не совсем еще потерял надежду стать художником. Он продолжал учиться у старого профессора Академии Художеств.

У этого профессора <?> я и разыскал Леву.

В Москве любые дела меня тяготили, даже поиски гимназического товарища, особенно по самым недостоверным сведениям и слухам. Здесь же в Петрограде эти поиски показались мне легкими и даже увлекательными. Должно быть потому, что они усиливали мое общение с этим городом. Каждый выход на улицу обещал большие и маленькие неожиданности, — будь то старинная калитка или плеск волн о ступени каменных лестниц, спускавшихся прямо с набережной в глубокую невскую воду.

Поэтому я долго и охотно искал старого профессора (я узнал еще в Москве, что Лева у него учился). На второй день к вечеру я нашел

его. Он жил в здании Академии Художеств. Надо было пройти лабиринт пыльных и высоких коридоров, чтобы попасть к нему в комнату.

На стене около двери виднелись стертые имена художников, написанные углем: Коро, Делакруа, Рокотов, Венецианов и Пикассо. Почему Пикассо попал в эту компанию, было неясно.

Меня встретил, как принято писать, плотный старик с орлиным профилем, в большом испанском берете.

Конечно, он меня не встретил. Он даже не оглянулся, когда я вошел. Старик стоял у окна за мольбертом и писал вид Невы.

Я спросил его о Леве.

— Скоро придет, — ответил он неохотно. — Садитесь! Если хотите поговорить, то обратитесь к моей ученице. Она лежит на тахте за ширмой и читает Ремарка «На Западном фронте без перемен»³. Я, как видите <?>, занят.

За ширмой никто не шелохнулся.

— Маша! — позвал старик. — Тут к Леве пришел неизвестный молодой человек. Со скульптурным лицом.

Я удивился, — старик ни разу не взглянул на меня, и потому слова о скульптурном моем лице показались мне шуткой.

— Идите сюда! — сказал из-за ширмы молодой женский голос. — Не мешайте Борису Петровичу.

Я встал. Мне показалось, что такого голоса я еще не слышал в жизни. Он был одновременно низкий и певучий, немного утомленный и насмешливый.

Услышав этот голос, я тут же понял, что сразу сорвался в житейский водоворот, сулящий рой неожиданностей. Понял, что из этого водоворота мне, пожалуй, не вырваться и что лучше всего отдалиться течению событий и ждать их конца. Какой будет конец — счастливый или трагический — это не имело тогда для меня большого значения.

— Или сидите там, но молчите, — сказала из-за ширмы женщина. — Я сейчас дочитаю и выйду <?>.

— Хорошо, — покорно ответил я и осторожно закурил. Я смотрел, как старик счищал с холста тонким ножом тусклый мазок. Вместо него он наложил лимонный и отливающий серебром.

Он как бы играл красками. Эта игра мне нравилась. Во всяком случае, она делала пейзаж более прозрачным и легким. «Легковейным»⁴, — подумал я, сам еще не понимая, почему пришло мне в голову это слово.

— Вот послушайте, Борис Петрович, — сказала из-за ширмы Маша и пропла:

«Любовь — это вдохновение неизменно божественного свойства <?>, независимо от того <?>, влечет ли она за собой безумие или мудрые поступки»⁵.

— Угу! — <нрзб.> хмыкнул старик, — Слишком <нрзб.>.

Я помолчал <?> и сказал:

— Что-то не помню у Ремарка этих слов.

— Это не Ремарк, — ответила женщина. — Это Гейне.

Он постоянно <нрзб.> своим мыслям.

Она о чем-то подумала и спросила:

— Вы друг Левы?

— Да.

— Как вас зовут?

Я назвал себя.

— Борис Петрович, — воскликнула женщина радостным голосом, — так это же Костик. Лева нам столько рассказывал о вас, что мы уже и не верили, что Костик действительно живет на свете.

Она назвала меня так, как звали давным-давно в детстве. От него меня теперь отделяли, казалось, сотни лет. Никто с тех пор не называл меня этим именем. И я давно уже потерял веру в то, что могу быть кому-нибудь дорог.

На протяжении жизни я не мог отделаться от уверенности, что человека всегда любят за что-нибудь, а не так, — просто, без всяких причин. Вот этого «что-нибудь», за что любят, я в себе не находил.

Мое поведение часто шло вразрез с тем, что я чувствовал в глубине души.

Я бывал полон нежности к людям, к женщинам, к детям, особенно почему-то к плачущим мальчикам, но никогда не решался показать эту нежность. Этим я только усугублял свое одиночество.

После смерти Лели я думал, что любви уже никогда не будет. Просто ее не может быть. Но она снова пришла ко мне в Тифлисе, но все же <нрзб.> была как бы отражением настоящей любви. Пришла, мелькнула на миг, как блеск солнца во внезапно распахнутом окне, и исчезла. От нее остался только горьковатый привкус на губах и ощущение нежной и сильной шеи с тяжелым ожерельем из старых аметистов⁶. Вот и все.

«Неужели опять?» — подумал я и поднял голову.

Художник, отложив кисти, недовольно смотрел на меня. Передо мной стояла высокая молодая женщина. Ее полуобнаженные бледные руки были опущены вдоль тела. Она смотрела на меня, недоуменно улыбаясь и как бы стараясь что-то разгадать.

Внезапный ужас, страх перед тем, что сейчас может войти Лева — насмешливый и проницательный, всегда гордившийся мной

и любивший меня самоотверженно и молчаливо — смятение и ужас перед этой неизбежной встречей охватили меня, и я встал. Я <нрзб.> знал теперь, что эта женщина близка ему. Может быть, это его жена, может быть, любимая.

Мне казалось, что на моем лице отражается мое смятение и страшный мой порыв к этой женщине. Поэтому лучше уйти, пока не поздно и пока, как любил говорить Женя Иванов⁷, меня «не сорвало с якорей».

Я пробормотал, что еще зайду, и быстро вышел. Я сбежал по стертым ступеням каменной лестницы, боясь столкнуться слевой. Через огромный, заваленный дровами двор я торопливо прошел к Неве, не соображая, что именно здесь я больше всего рискую столкнуться слевой.

— Я не буду предателем! — говорил я себе.

— Лучше смерть <?>.

Но в чем же предательство? Ничего еще не случилось. Почему я уверен, что сейчас родилась у нас обоих настоящая любовь. Сумасшедший и самоуверенный фантазер!

Я понимал, что мне надо бежать, бежать от себя, от того, что вот сейчас, пять минут назад, свалилось, как обвал. Но вместе с тем я замедлял шаги, я хотел, я ждал, что она бросится вслед за мной и остановит меня.

«Это подло!» — говорил я себе, но все же замедлял шаги.

Я остановился у сфинкса против Академии Художеств, спустился по широкой каменной лестнице к Неве, сел на ступеньку <?> и сидел, боясь оглянуться. Я уверял себя, что меня с набережной не видно, но ни разу не оглянулся, боясь убедиться в том, что это действительно так.

Солнце опускалось. Лиловатая мгла покрыла берега, дворцы, плавные мосты над Невой.

Мне показалось, что прошло много времени, прежде чем я услышал шаги за спиной и почувствовал, как, обдав меня теплым воздухом своего тела, своего легкого платья, своих тяжелых волос, она села рядом со мной и взяла мою руку.

— Костик, — сказала она, чуть задыхаясь. — Я вас не отпущу одного. Иначе вы наделаете глупостей.

Я молчал уничтоженный, не зная, что говорить, что ответить.

Она взяла меня за подбородок узкими сильными пальцами, повернула мое лицо к себе, и я зажмурился, — я не мог выдержать свет ее широко открытых глаз.

— Так не бывает! — сказала она. — Говорят, что так не бывает. Пойдемте!

Мы встали, взяли за руки и молча пошли по набережной вдоль Невы, как одинокие дети. Ее рука чуть вздрагивала в моей,

и я чувствовал теплый и слабый ток крови под упругой кожей ее ладоней.

Мы спустились на маленькую пристань, сели на катер. Обдувая нас холодноватым ветром, он помчался, разрезая воду, неизвестно куда.

Я ни о чем не спрашивал Марию, — она запретила мне говорить. — Вы милый, — сказала она и больше не прибавила ни слова.

Я не помню, когда мы сошли с катера, и внезапно почувствовали гниlostную прохладу старых замшелых садов. Судя по этой прохладе, было уже за полночь.

Мы очутились где-то на речной окраине города. Ночь стояла над землей, как догорающая заря. Она находила <?> от самого зенита, и при ее свете я впервые посмотрел, не отрываясь, в глаза Маше. Дрожание ее ресниц, срывающийся шепот, боль приоткрытых губ — все это наполнило меня такой безумной нежностью, какую я еще не испытывал ни к одному человеку.

Как это случилось? Почему эти брови — я осторожно провел по ним пальцем — эти щекочущие ресницы, эти покатые плечи стали такими любимыми, когда еще несколько часов назад я не подозревал о ее существовании.

Мария! В ее имени было заключено тысячелетнее преклонение перед благоухающей женственностью, перед светлым девичеством. Оно было окружено неуядаемыми легендами.

Предчувствие не обмануло. Все выглядело сном, и вместе с тем я видел ее, Марию, слышал ее, я прикасался к ее тяжелым волосам, оттягивавшим голову.

— Пойдемте! — сказала она, и мы вошли в глухие переходы, а может быть, это были <нрзб.> среди спящих садов. Тускло светилась вода залива.

— Где мы?

— Это остров, — ответила Мария. — Я здесь живу.

Она остановилась и замолчала, глядя куда-то в глубину садов. Я проследил за ее взглядом, но ничего не увидел, кроме неясного сумрака листвы.

— Дальше идти не надо, — с трудом сказала она, взяла меня за локоть, но тотчас отняла свою руку. — Не стоит... Боже мой, какая это мука! Зачем?

Она положила мне руки на плечи и медленно поцеловала меня в глаза.

— Зачем? — повторила она.

Я не понял ее. Мне показалось, что она бредит.

— Лучше уж сразу... Уходите! Сейчас же! И навсегда!

— Маша!

— Так нужно. Для вас. И для него.

— Мне нет дела.

— А если он ваш старый и преданный друг, — спросила она, отвернувшись, глухим голосом. В нем слышались слезы.

— Лева? — громко <?> спросил я. Сердце, рванувшись, ударило меня в горло.

Значит, я был прав тогда, в комнате у художника. Значит, — вот оно, несчастье — внезапное и нелепое. Минуту назад я был глупо счастлив, будто мне подарили всю эту ночь с ее магическим ровным мерцанием, сонным плеском волн где-то рядом на взморье, с ее сумраком, рождавшим безмолвный восторг, с теплотой женских пальцев, сжатых в моей руке.

— Все? — спросил я.

— Да, все! — жестко сказала она. — Идите!

Удар был слишком внезапным. Как будто кто-то рассек меня надвое. Я не мог поверить в то, что минуту назад я бережно прикасался к ее лицу и чуть пригладил ее брови. И вместе с тем я никак не мог поверить ее последним словам, — слишком короткой была наша встреча, чтобы принести так много радости и потрясения.

Я знал только одно, — сейчас я ничего не пойму в том, что случилось. И чем больше буду пытаться понять, тем больше буду запутываться.

Непонятная, почти физическая тяжесть, то невыносимое состояние, которое врачи называют «загрудной болью», подымалось во мне. И сжимало сердце.

В этой тяжести был гнев на себя (на мою мальчишескую влюбчивость), и обида на нее (за холод ее решения и ее слов), и жалость к самому себе, отброшенному так резко уже любимой рукой, и сознание ее правоты перед разумом и неправоты — перед сердцем.

Я ушел. Тогда и случилось самое трудное. — Маша положила руки на низкую деревянную ограду, опустила на руки голову, и ее тяжелые светлые волосы упали и закрыли душной волной все лицо. Она плакала.

Я шел, не останавливаясь, попал на какую-то совершенно пустую окраинную набережную. Белесая ночь освещала заборы и берега канала, заросшие одуванчиками, освещала черные баржи с дровами, причаленные к гнилым сваям.

Мне показалось, что она позвала меня. Я взбежал по шаткой доске на первую же баржу, <нрзб.> на палубу за штабелями березовых дров, стиснул руками голову и закрыл глаза. Сладко и сильно пахло березовой корой.

Я слушал. Было очень тихо. Никто не пробежал мимо баржи по булыжной мостовой, никто меня не звал. Только где-то рядом пропел петух.

Тогда я сошел на набережную и вернулся к той деревянной ограде, где оставил Машу. Все так же пусто и сонно стояла ночь. И все так же болезненно тлела заря на севере.

Маши, конечно, не было. Я прислонился к ограде и осторожно провел рукой по доскам на том месте, где лежали ее тяжелые волосы. Зачем? Я не знаю. Как будто на этих досках могла еще сохраниться теплота ее губ, ее дыхания.

Доски были холодные и шершавые от старых лишайев.

В маленьком старом доме за оградой было темно и тихо. Только свет ночи неподвижно блестел в окнах.

Я подумал, что сейчас из этого дома может выйти Лева, и быстро пошел, почти побежал в сторону города.

— Она права, — говорил я себе, — и я должен быть ей только благодарен.

Я шел, а ночь все холодела. Задул слабый, но, как всегда, пронизывающий предрассветный ветерок.

Я уехал из Петрограда в тот же день⁸. Иванов уехал раньше.

«Вот, говорил я себе, ты и дождался тех удивительных событий, которые, если верить писателям и поэтам, часто происходят в этом странном и великолепном городе с некоторыми людьми. Вот ты и дождался. На свою беду».

Историю эту я никогда и никому не рассказывал. Может быть потому, что все-таки упрямо верил, что «так бывает» и что нас обоих в ту ночь коснулась, хотя и вскользь, хотя и легким крылом та «любовь с первого взгляда», над которой принято издеваться.

Сейчас я могу рассказать об этом потому, что Левы нет в живых. И Маши нет — она умерла во время блокады, и только во мне еще живет воспоминание об этой белой ночи в начале июня 1924 года. Если я не запишу его, то оно может погаснуть навсегда, как фитилек тонкой свечи.

РГАЛИ. Ф. 2119. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 27–36.

¹ «Товарищ» (первоначально «Lauriston») — четырехмачтовый барк. Построен в Белфасте в октябре 1892 г., приобретен Российской империей в 1914 г., угнан в Англию интервентами, после гражданской войны возвращен и переименован в «Товарищ», затонул в августе 1943 г. в Мариуполе. В начале 1920-х находился в ведении Морского техникума, переоборудован в учебное судно к началу 1923 г. В том же году, в день годовщины Балтийского госпароходства, корабль был продемонстрирован гостям. К.Г. Паустовский, побывавший на праздновании, писал в заметке: «Четырехмачтовый парусный барк “Товарищ”, уходящий в конце авгу-

ста в далекое плавание к берегам Южной Америки с учениками мореходного училища». Далее он уточнял: «“Товарищ” (бывш. “Лауристон”) — отчасти виновник сегодняшнего торжества. Это первое судно, отправляющееся после революции в кругосветное плавание» (К.Г. [Паустовский К.Г.]. Под синим вымпелом // Рабочий водного транспорта. 1923. № 51. С. 76–77). В первый рейс в качестве учебного судна «Товарищ» отправился в августе 1924 г. в Англию, а в 1925 г. пришел к берегам Аргентины [4].

² В начале главы время поездки, 1923 г., соответствует реальной дате командировки Паустовского в Петроград (город был переименован в Ленинград 26 января 1924 г.). В конце главы «Так не бывает» произошедшее отнесено к 1924 г. Эта датировка первой поездки в город сохранится в опубликованном тексте повести (глава «Проводы учебного корабля»). Там город закономерно назван Ленинградом.

³ Газетная публикация романа Э.М. Ремарка «Im Westen nichts Neues» в Германии — 1928 г., отдельное издание — 1929 г. Первый перевод на русский язык вышел уже в 1928 г. в Берлине; в 1929 г. в СССР появились два издания под разными названиями: «На Западе без перемен» (буквальный перевод оригинального названия) и «На Западном фронте без перемен» [10]. Чтение Марией этого романа в 1923 г. является анахронизмом.

⁴ Эпитет «легковойный» не раз встречается в русской поэзии — у В.И. Иванова, В.И. Нарбута, Н.А. Клюева, И. Северянина. Важно, что к этому эпитету дважды обращался любимый К.Г. Паустовским и тесно связанный с Петербургом А.А. Блок («В синем небе, в темной глуби...» (1906) и «Крылья» (1907)). Мотивные переклички (образ единой любви, портрет возлюбленной) делают наиболее вероятным претекстом первое из названных стихотворений Блока.

⁵ Приведенная фраза написана от руки на обороте листа (л. 29 об.). Утверждать, что именно ее произносит Мария, с уверенностью нельзя. Изначально в тексте цитировался другой, более обширный, фрагмент. В него активно вносилась правка, но затем весь фрагмент был вычеркнут. Приводим его завершение: «Это помогало мне писать. Должно быть, я давно уже понял, что любовь не существует, если нет в ее воздухе миллионов электрических <?> частиц того, что мы называет прекрасным. Оно заключено в каждой молекуле. Ни один ученый, даже самый сверхгениальный физик, не сможет объяснить, каким образом соединение этих материальных частиц превращается в свет женских глаз, прекрасней которых нет ничего на свете» (л. 30).

Многочисленные исправления поддерживают мнение о том, что перед нами мистификация. Борис Петрович далее оспаривал, что эти слова принадлежат Э.М. Ремарку или Г. Гейне. На что Мария отвечала: «Ну и что?» (л. 30). Нам не удалось обнаружить фрагменты, похожие на цитируемый, у Г. Гейне.

⁶ В книге «Бросок на Юг» подобные детали в описании героини Марии Валишевской отсутствуют.

⁷ Евгений Николаевич Иванов — технический редактор (по другим сведениям помощник главного редактора) краевой газеты Черного, Азовского и Каспийского морей «Моряк» (Одесса) и главный редактор газеты ЦК Профсоюза рабочих водного транспорта СССР «На вахте» (Москва). В качестве героя действует в повестях «Время больших ожиданий» и «Книга скитаний» автобиографического цикла К.Г. Паустовского.

⁸ Во фрагменте, обозначенном сыном писателя «Из дневникового листа 1923 г.» [8, с. 189], есть конспективная, без даты (в общей манере дневников Паустовского тех лет) запись: «Поездка в Ленинград — Ударов, Иванов — машины, авто, Невский. Синие воды, простор, бледное солнце. Балтийское пароходство. “Товарищ”. Райкомвод. Ужин с вином. Полевые цветы на палубе, иностранные моряки, золото в окнах дворцов. Обрато. Жаркий вагон. Кузнецов» [8, с. 190]. Зафиксированные детали совпадают с теми, которые Паустовский упомянул в заметке «Под синим вымпелом». Использование наименования «Ленинград» для обозначения города говорит о том, что записи были сделаны уже в 1924 г. Следует отметить, что никакого указания на потрясшую Паустовского встречу с женщиной в записях нет, хотя дру-

гие события личного плана в дневнике фиксировались. Это косвенно подтверждает предположение о вымышленности встречи или существенной трансформации жизненной первоосновы.

Литература

1. *Борщаговский А.* Мужество и щедрость таланта // Паустовский К.Г. Книга скитаний. Повести. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1978. С. 3–18.
2. *Кондаков И.В.* Неоромантизм Константина Паустовского // Русская литература XX века: 1930-е — середина 1950-х годов: в 2 т. / под ред. Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого и М.А. Литовской. М.: Академия, 2014. Т. 1. С. 276–291.
3. *Кременцов Л.П.* Книга о Паустовском. Очерки творчества. М.: Жизнь и мысль, 2002. 208 с.
4. *Лухманов Д.А.* Солёный ветер: жизнь моряка. Л.: Морской транспорт, 1958. 434 с.
5. *Паустовский В.К.* Второй остров // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. I. С. 455–467.
6. *Паустовский В.К.* На медленном огне // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. II. С. 7–19.
7. *Паустовский В.К.* Серебряное колечко // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. II. С. 235–239.
8. *Паустовский К.Г.* Из дневников // Паустовский К.Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2002. Т. II. С. 189–215.
9. *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 546 с.
10. *Чайковский Р.Р., Госсманн Н.А., Михалёва В.В., Христофорова С.Б.* Первые переводы романа Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен» на русский язык // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2014. № 21. С. 46–52.

Research Article and Publication of Archival Documents

“There’s no Such Thing!” A Chapter from an Early Version of K. Paustovsky’s Story *The Book of Wanderings*. (On Low Heat)

© 2025. Inessa N. Korzhova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01479 “Problems of

Konstantin G. Paustovsky's Textology: The Story of a Life» (<https://rscf.ru/project/24-28-01479/>).

Abstract: The article introduces the chapter from an early version of K.G. Paustovsky's novel *The Book of Wanderings. (On Low Heat)*, "There's no Such Thing," into scientific circulation. The text is published according to the only type-written source, which is kept in the writer's fund in RGALI (F. 2119). There is also a manuscript of the chapter, given under a different name — "Northern Rendezvous." The chapter is plot-related to another one included in the main text, "Seeing off the Training Ship." It is dedicated to the new love of the story's character, which overtakes him in Petrograd. The title of the chapter emphasizes the suddenness and exclusivity of the feeling. The introductory article discusses a broader issue — the disclosure of the love theme in the sixth part of Paustovsky's autobiographical cycle. The research reveals that in addition to the new plot, which was excluded at an early stage of the work, fragments related to the character's past hobbies were preserved until the time of preparation for publication in *Novy Mir*. The exclusion of these episodes is the will of K.G. Paustovsky. The article and the comments address the issue of the prototypes of the heroines in the cycle, suggest the collective nature of the image of the heroine that appears in the published chapter, and emphasize the literary genesis of this image.

Keywords: K. Paustovsky, *The Story of a Life*, textual criticism, creative history, a variant of the work, artistic autobiography.

Information about the author: Inessa N. Korzhova, DSc in Philology, Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Poverskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

E-mail: clean24@yandex.ru

For citation: Korzhova, I.N. "There's no Such Thing!": A Chapter from an Early Version of K. Paustovsky's Story *The Book of Wanderings. (On Low Heat)*. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 8–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-8-27>

References

1. Borshchagovskii, A. "Muzhestvo i shchedrost' talanta" ["The Courage and Generosity of Talent"]. Paustovskii, K.G. *Kniga skitanii. Povesti* [*The Book of Wanderings. Stories*]. Kishinev, Kartia moldoveniaske Publ., 1978, pp. 3–18. (In Russ.)
2. Kondakov, I.V. "Neoromantizm Konstantina Paustovskogo" ["The Neo-Romanticism of Konstantin Paustovsky"]. Leiderman, N.L., M.N. Lipovetskii, and M.A. Litovskaia, editors. *Russkaia literatura XX veka: 1930-e – seredina 1950-kh godov: v 2 t.* [*Russian Literature of the 20th Century: 1930s – Mid-1950s: in 2 vols.*], vol. 1. Moscow, Akademiia Publ., 2014, pp. 276–291. (In Russ.)
3. Kremontsov, L.P. *Kniga o Paustovskom. Ocherki tvorchestva* [*The Book About Paustovsky. Essays on Creativity*]. Moscow, Zhizn' i mysl' Publ., 2002. 208 p. (In Russ.)
4. Lukhmanov, D.A. *Solenyi veter: zhizn' moriaka* [*Salty Wind: The Life of a Sailor*]. Leningrad, Morskoi transport Publ., 1958. 434 p. (In Russ.)

5. Paustovskii, V.K. “Vtoroi ostrov” [“The Second Island”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol'shikh ozhidanii. Povesti. Dnevnik, pis'ma* [Time of Great Expectations. Stories. Diaries. Letters], vol. 1. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 455–467. (In Russ.)

6. Paustovskii, V.K. “Na medlennom ognе” [“On Slow Heat”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol'shikh ozhidanii. Povesti. Dnevnik, pis'ma* [Time of Great Expectations. Stories. Diaries. Letters], vol. 2. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 7–19. (In Russ.)

7. Paustovskii, V.K. “Serebrianoie kolechko” [“The Silver Ring”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol'shikh ozhidanii. Povesti. Dnevnik, pis'ma* [Time of Great Expectations. Stories. Diaries. Letters], vol. 2. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 235–239. (In Russ.)

8. Paustovskii, K.G. “Iz dnevnikov” [“From Diaries”]. Paustovskii, K.G. *Vremia bol'shikh ozhidanii. Povesti. Dnevnik, pis'ma* [Time of Great Expectations. Stories. Diaries. Letters], vol. 2. Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., 2002, pp. 189–215. (In Russ.)

9. Paustovskii, K.G. *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.], vol. 5: Povest' o zhizni [The Story of a Life], book 4–6. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982. 546 p. (In Russ.)

10. Chaikovskii, R.R., N.A. Gossmann, V.V. Mikhaleva, and S.B. Khristoforova. “Pervye perevody romana E.M. Remarka ‘Na zapadnom fronte bez peremen’ na russkii iazyk” [“The First Translations of E.M. Remarque’s Novel ‘All Quiet on the Western Front’ into Russian”]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 21, 2014, pp. 46–52. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.02.2025

Одобрена после рецензирования: 24.03.2025

Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 26.02.2025

Approved after reviewing: 24.03.2025

Date of publication: 25.06.2025